ніяхъ, которыя указаны въ Высочайшихъ рескриптахъ, а на началахъ, которыя будутъ выработаны самимъ московскимъ дворянскимъ комитетомъ.

Болѣе 500 дворянъ Московской губерніи изъявили желаніе приступить къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого собраніе предводителей и депутатовъ дворянства положили довести объ этомъ до свѣдѣнія московскаго военнаго генералъ-губернатора и просить повергнуть къ стопамъ Монарха просьбу московскаго дворянства объ открытіи комитета для составленія правилъ, которыя будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности.

„Такое заявленіе—говорится въ протоколѣ собранія предводителей и депутатовъ Московской губерніи—явно свидѣтельствуетъ объ общемъ стремленіи здѣшняго дворянства къ достиженію цѣли, удостоившейся уже Высочайшаго одобренія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе предводителей и депутатовъ считаетъ священной обязанностью донести вашему высокопревосходительству (генералъ-губернатору), что все дворянство Московской губерніи *единодушно желаетъ*, дабы комитету Московской губерніи было предоставлено право *свободно обсуждать самыя основанія*, которыя должны служить къ составленію проэкта объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Московское дворянство полагаетъ, что при *этомъ только условіи* оно можетъ сдѣлать полное развитіе необходимыхъ соображеній въ семъ важномъ государственномъ дѣлѣ. Всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что Государь Императоръ, столь заботящійся о благѣ всей имперіи, удостоитъ освятить Высочайшимъ соизволеніемъ желаніе цѣлаго сословія.

„Высокая христіанская цѣль, указанная Августѣйшимъ Монархомъ вызываетъ сильное сочувствіе къ достиженію ея въ здѣшнемъ дворянствѣ. Слѣдовательно московскіе дворяне могутъ выразить совершенно свободно свои мысли и просить дозволенія составить проэктъ на основаніяхъ, которыя комитетомъ будутъ признаны удобными, *не стѣсняясь* основаніями, указанными для другихъ губерній“.

Кромѣ того московское дворянство ходатайствовало предъ правительствомъ о томъ, чтобы учреждаемый въ Москвѣ дворянскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ, могъ воспользоваться для своихъ занятій болѣе продолжительнымъ срокомъ чѣмъ шесть мѣсяцевъ“.

Желаніе дворянства Московской губерніи удовлетворено не было. Но тѣмъ не менѣе курское дворянство, въ лицѣ своихъ представителей—членовъ открытаго въ концѣ 1858 года въ Курскѣ дворянскаго комитета, не разъ возбуждало вопросъ объ измѣненіи или по крайней мѣрѣ ограниченіи смысла главныхъ основаній освобожденія крестьянъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ. Какъ ниже увидятъ читатели, не мало частныхъ мнѣній курскихъ дворянъ, а также и ходатайствъ уѣздныхъ дворянскихъ съѣздовъ, просили объ измѣненіи главныхъ основаній, указанныхъ правительствомъ какъ краеугольный камень реформы крестьянскаго быта; но просьбы эти и желанія всегда и вездѣ были отклоняемы правительствомъ.

На послѣднее письмо министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 16 января), въ которомъ онъ проситъ время отъ времени извѣщать его о мѣропріятіяхъ, какія дворянство Курской губерніи предприметъ для улучшенія быта своихъ крестьянъ,—курскій предводитель Н. А Стремоуховъ отвѣчалъ кратко: онъ увѣдомилъ министра о томъ, что на 15 число февраля имъ назначено чрезвычайное собраніе предводителей дворянства и депутатовъ для обсужденія „совмѣстнымъ образомъ“ текущихъ событій.

Въ это время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ начали открываться уѣздныя дворянскія собранія для выбора членовъ въ имѣющіе быть учрежденными комитеты объ улучшеніи быта крестьянъ. Между тѣмъ многіе изъ помѣщиковъ дворянъ состоящихъ въ военной или гражданской службѣ, не могли бы принять въ этихъ собраніяхъ участія, если бы оставались въ мѣстахъ своего служенія. Но въ началѣ 1858 г. на это обстоятельство министромъ внутреннихъ дѣлъ было обращено надлежащее вниманіе, и относительно дворянъ, состоящихъ въ военной или гражданской службѣ правительство распорядилось дозволять имъ двухмѣсячные отпуски въ тѣ губерніи, куда дворяне пожелаютъ отправиться. Имъ сохранялись въ это время права службы и они не лишались занимаемыхъ ими мѣстъ и получали присвоенное имъ содержаніе. Кромѣ того правительство дозволило тѣмъ служащимъ дворянамъ, которые будутъ избраны членами комитетовъ по устройству быта крестьянъ,—брать еще болѣе продолжительные отпуски (на все время существованія комитетовъ); но такія лица во время своей отлучки не должны уже получать содержанія.

Объ этомъ распоряженіи правительства 6 февраля 1858 года Курскій губернаторъ увѣдомилъ губернскаго предводителя дворянства. Въ этотъ же самый день Стремоуховъ получилъ отъ Харьковскаго губернскаго предводителя проектъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, который онъ обѣщалъ сообщить *для соображенія комитету*, „буде послѣдуетъ желаніе дворянства просить объ открытіи таковаго.“ Такимъ образомъ учрежденіе крестьянскаго комитета по примѣру уже появившихся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ комитетовъ Стремоуховъ считалъ дѣломъ почти что неизбѣжнымъ. Но собравшіеся 15-го февраля 1858 года уѣздные предводители дворянства въ числѣ 15 человѣкъ не повели никакой рѣчи о губернскомъ комитетѣ или подачѣ адреса Императору по примѣру губерній Виленской, Петербургской, Московской и другихъ. Они постановили на первыхъ порахъ просить разрѣшенія открыть уѣздные съѣзды дворянъ для обсужденія на этихъ съѣздахъ способовъ исполненія Высочайшей воли. На 6-е апрѣля былъ предположенъ общій съѣздъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства „для дальнѣйшихъ по обстоятельствамъ дѣйствій“.

Объ этомъ постановленіи собранія предводителей Стремоуховъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ и объяснилъ, что „собраніе для окончательнаго постановленія назначено на нѣсколько отдаленный срокъ, какъ потому, что въ промежуткѣ совпадаютъ недѣли страстныя и Святой Пасхи, такъ и потому, что приближается весеннее время года, въ которое всѣ сообщенія и переѣзды становятся крайне затруднительными“.

Собраніе уѣздныхъ предводителей 13 февраля постановило, что отсутствующіе изъ Курской губерніи дворяне должны будутъ, по приглашенію уѣзднаго предводителя, прислать свой отзывъ и мнѣніе объ устройствѣ быта крестьянъ; тѣ же изъ отсутствующихъ, кто къ уѣздному съѣзду дворянъ своего отзыва не пришлетъ, будутъ считаться согласными съ мнѣніемъ большинства. Въ двадцати двумъ лицамъ, отсутствующимъ изъ губерніи Стремоуховъ счелъ долгомъ самъ написать приглашенія дать отзывъ. Лица эти были слѣдующія: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ, оберъ гофмаршалъ графъ Толстой, статсъ-секретарь Суковкинъ, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, камергеръ графъ Орловъ-Давыдовъ, князья Барятинскіе, гофмейстеръ графъ Шереметьевъ, камеръ-юнкеръ Дурасовъ, Карамзинъ, генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель, Шабельскій, князь Голицынъ, Нелидова, Кирѣевскій, князья Трубецкіе, графъ Апраксинъ, Струковъ, графъ Потемкинъ, Потемкина.

Но такъ какъ дворянъ, отсутствующихъ изъ губерніи по разнымъ причинамъ, было много и по неизвѣстности ихъ адресовъ уѣздные предводители затруднялись посылать къ нимъ приглашенія на уѣздные съѣзды или подачу своихъ отзывовъ, то сочли самымъ удобнымъ воспользоваться въ этомъ дѣлѣ услугами печати. И вотъ 21 февраля въ комитетъ правленія Императорской Академіи наукъ Стремоуховъ послалъ отношеніе о напечатаніе объявленія о приглашеніе отсутствующихъ изъ Курской губерніи дворянъ къ участію въ той или оной формѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ, три раза въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ приложеніемъ шести рублей. Такія же пригласительныя объявленія были напечатаны и въ Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

А. Танковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАСР-ЭД-ДИНЪ, ШАХЪ ПЕРСИДСКІЙ.

Наср-эд-Динъ, четвертый шахъ изъ тюркской династіи Котжаровъ, родился въ 1829 году. Когда ему было 5 лѣтъ отецъ его Мухаммедъ-шахъ выказалъ особое вниманіе къ его воспитанію и поручилъ его ученому Ляле-баши. Согласно понятіямъ того времени, молодому наслѣднику-принцу съ тѣхъ лѣтъ стали преподавать персидскій языкъ, преимущественно классиковъ Хафиза, Саади и Фирдуси, мудрость Корана и арабскую словесность, причемъ особенное вниманіе обращено было на ариѳметику и каллиграфію. Принцу было 9 лѣтъ, когда онъ былъ назначенъ, какъ подобаетъ наслѣднику престола, губернаторомъ Тавриза въ Азербеджанѣ.

15 лѣтъ наслѣдный принцъ былъ отозванъ въ Тегеранъ, гдѣ отецъ началъ ему сватать дочь своего двоюроднаго брата Ахмедъ-Али-Мирза. Послѣ блестящей свадьбы Наср-эд-Динъ возвратился въ Тавризъ, но спустя три года ему пришлось потерять горячо любимаго отца и заступить его мѣсто на славномъ престолѣ вождей Иранскаго народа при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ.

То была эпоха полная треволненій и народныхъ броженій. Она представляла собой замѣчательную аналогію съ царствованіемъ послѣдняго Сассанида Ездигерда съ тою только разницей, что при Эздигердѣ Персіи угрожали внѣшніе сосѣди, преимущественно Арабы, во дни же перваго времени царствованія Наср-эд-Дина Персіи грозила еще большая опасность: ее готовы были погубить междуусобные раздоры.

Первымъ дѣломъ молодаго Шаха по вступленіи на престолъ въ 1847 году было подавленіе въ Тавризѣ грознаго возстанія Салара. Это возстаніе вспыхнуло еще за годъ до смерти Мухаммедъ-шаха, который постоянно высылалъ въ Хоросанъ противъ мятежниковъ войска, но не имѣлъ успѣха. Благодаря этому, Салару удалось подчинить себѣ всю Хорасанскую область, которая равняется $^1/_3$ всей Персіи.

Не успѣлъ еще юный вѣнценосецъ торжественно вступить въ Тегеранъ, какъ на дорогѣ ему былъ прегражденъ путь новымъ инсургентомъ Сейф-уль-Молькомъ, которому удалось собрать вокругъ себя казвинскихъ кочевниковъ и поднять знамя возстанія, объявивъ себя падишахомъ Ирана. Молодой шахъ, узнавъ объ этомъ, не растерялся и отправилъ противъ Сейф-уль-Молька авшарскаго вождя Сулейманъ-хана, которому вскорѣ посчастливилось поймать дерзкаго инсургента въ окрестностяхъ Казвина и привести въ Тегеранъ, куда уже успѣлъ прибыть Наср-эд-Динъ для того чтобы взойти торжественно въ знаменитомъ Таляръ-е-Мермеръ (мраморная зала) на престолъ своихъ предковъ.

Своимъ первымъ министромъ онъ назначилъ Мирза-Таги-хана, Эмир-Низама, имя котораго и донынѣ произносится съ особеннымъ благоговѣніемъ и уваженіемъ, ибо этотъ мудрый министръ положилъ начало тому государственному строю въ которомъ впервые было замѣчено стремленіе къ разумному прогрессу.

Какъ только Наср-эд-Динъ почувствовалъ себя безопаснымъ въ своей столицѣ, которую онъ привелъ въ порядокъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ отправить своего дядю Гамза-Мирза и полководца Сулейманъ-хана въ Хоросанъ противъ вышеупомянутаго Салара.

Вслѣдъ за ними шахъ отправилъ своего другаго воинственнаго дядю Султанъ-Мурадъ-Мирзу съ новымъ отрядомъ, назначивъ его главнокомандующимъ всѣхъ войскъ. Война противъ Салара началась съ города Себзевара и въ мѣстечкѣ Джовинъ имѣло мѣсто кровопролитное сраженіе противъ Салара. Это было только начало военныхъ дѣйствій. Много еще было стычекъ прежде чѣмъ Султанъ-Мураду-Мирзѣ удалось взять городъ Себзеваръ и направиться на городъ Нишабуръ.

Какъ разъ въ это время вспыхнуло еще новое возстаніе, которое въ послѣдствіи хотя не лишило жизни молодаго повелителя. Оно началось еще въ 1842 году при жизни Мухаммедъ-шаха и въ тѣ дни приняло самые широкіе размѣры. Въ Мазандеране въ городѣ Баръ-Форушѣ, почти на берегу Каспія, извѣстный мулла Мамедъ-Али сталъ открыто проповѣдывать ересь Баба соціалисто-коммунистическаго характера (послѣдователи его называются Бабиды). Между тѣмъ самъ Бабъ былъ арестованъ въ окрестности Тавриза. Противъ муллы Мамедъ-Али шахъ послалъ своего брата Мехди-Кули-Мирзу, котораго вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ губернаторомъ Мазандерана. Усейнъ